

СОВЕТСКИЙ ПАТРИОТ

№ 130 (5-е année) Prix 10 frs — A l'étranger — 20 frs

Редактор: Д. Одинец

LE PATRIOTE SOVIETIQUE

Directeur: D. Odinetz

Organe du Comité Directeur de l'Union des Patriotes Soviétiques

4, rue de Galliera, Paris 16.

18 AVRIL 1947 — Tous les vendredis

Tél. Klé 94-20, 21, 22

В этом номере:

МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (1-ая стр.).

И. В. СТАЛИН ПРИНЯЛ ГЕН. МАРШАЛЛА. — И. В. СТАЛИН ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТИ (1-ая стр.).

«На путях создания Союза Советских Граждан» — передовая (1-ая стр.).

Л. ТУГАНОВ: «О тех, которые не с нами» (2-ая стр.).

Л. ЛЕОНОВ: «Разговор о справедливости» (2-ая стр.).

ПАСХАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ: М. КУР.

ДЮМОВ: «Крест и Воскресение» (3-ья стр.).

АНТ. ЛАДИНСКИЙ: «Пути и дороги» (3-ья стр.).

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ: «Царская конь». Б. ПАНТЕЛЕЙМОНОВ: «Дюшечка в гостях». М. СТРУВЕ: «Херувимская Моцарта». Ю. СОФИЕВ: Стихи. (4-ая стр.).

Жизнь Союза Советских Патриотов (3-ья стр.).

ВАСИЛИЙ ЯН: «Нашествие Батия» — роман (6-ая стр.).

Крестословица (6-ая стр.).

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ для Парижа и иногородних: 10 ном.: 100 фр.; 20 ном.: 200 фр., и т. д. Прием подписки ежедневно в помещении ССП; деньги можно посылать или почтовым переводом по адресу Союза Сов. Патр., «Le Patriote Soviétique», 4, rue de Galliera, Paris 16, или на почтов. текущ. счет: СС ном. 5241-32 «Le Patriote Soviétique».

„Московский Художественный театр“

Мы уже имели случай писать о просмотре этого чудесного фильма, который, можно сказать, всколыхнул в наших душах всю сбереженную на чужбине нежность к русскому театру. Но вот случайно в руки попала «монтажная запись» этого фильма и перелистывая ее тонкие листики, с отступками на машинке текстом, вновь с каждой строчкой, с каждым условным обозначением возникает перед глазами то, что удалось на мгновение увидеть на экране.

Монтажная запись. На первой странице напечатано: на фоне занавеса появляется надпись «Мастера сцены». Возникает музыка вступления. Шторка...

Так оно и происходило на экране. А затем появлялись и исчезали имена режиссера, актеров, операторов, художников, композитора, ассистентов... Все знакомые имена. В. Юренев, В. Петров, Асафьев, Книппер-Чехова, Качалов, Москвин...

Горький сказал: «Художественный театр — это так же хорошо и значительно, как Третьяковская галерея, Василий Блаженный и все самое лучшее в Москве. Не любить его невозможно».

Здание М.Х.Т. Уже нет на земле ни Станиславского, ни Немировича-Данченко, но тени их витают над театром. В зрительном зале, на режиссерских креслах прикреплены бронзовые дощечки с их именами, хранится их рабочий режиссерский стол. Отсюда русский, да и не только русский, а мировой театр, направлялся их вдохновенным трудом в сторону высокой идейности и строгой артистической выскательности.

Портрет Москвина. Наплывом возникает надпись: «Нужно запомнить имя такого великого актера, который играл царя Федора Иоанновича». Спектаклем «Царь Федор Иоаннович» и начал свою жизнь 14 октября 1898 г. Московский Художественный Театр, воплотивший в себе лучшие традиции русского национального искусства.

Отдельные сцены трагедии. Москвин, Еланская в роли царицы, Болдуман в роли правителя государства — Бориса Годунова. Аппарат наезжает на него и увеличивает его красивое и гордое, по пушкинской традиции, лицо. Борис Годунов:

— Семь лет кладя за камнем камень, с трудом великим здание я строю...

Крестится простодушный московский царь, растерявшийся среди трудных государственных забот, под бременем непосильной власти. Входит Шуйский. Боярская борода, бархатный кафтан, алмазы, жемчуг. Ссора бояр. Письмо из Углича. Незабываемое лицо Москвина. Удары кремлевского колокола. Церковное пение.

Листики монтажной записи переворачиваются, и тогда вспоминаются другие видения. На экране Станиславский, Книппер-Чехова (первая Ирина в трагедии «Царь Федор Иоаннович»). Она говорит о театре Чехова:

— У Чехова нужно было играть не роли, а создавать образы живых людей... Это происходило 17 декабря 1898 года. Первое представление «Чайки». Во время первых двух актов — недоумение в публике. Еще бы: актеры сидят спиной к зрительному залу. Чувствовалось какое то беспокойство. После третьего акта — в публике происходило какое то безумие, актеры плакали. И на экране портрет Чехова, его необыкновенно умное и грустное лицо, его милая борода, пенсне. Чайка стала символом М.Х.Т.-а.

Но вот знакомые еще по юношеским воспоминаниям декорации детской комнаты в «Вишневом саду». Цветущие деревья за окном, искусно сделанные. Но искусственные цветы сменяются реальным садом в прекрасном цветении. Слышится свирель пастушка. Утренний туман. Мы слышим, как настраивают оркестр. Галоп из 3-го действия.

Раневская (Книппер) и Трофимов (Орлов) ведут знаменитый диалог о старом доме. Роль Лапахина исполняет Добронравов.

— Продан вишневый сад? — спрашивает Раневская.

— Продан!

Черные деревья за окном, глухие удары топоров, которые так волновали когда то нас, бубенцы уезжающих на станцию экипажей...

А на экране появляется широкий пейзаж Волги. Голос диктора: — На просторах жизни вместе с чеховской чайкой уже реял горьковский «Буревестник»...

Фотографии Качалова. Он — слава московского театра. Портрет Горького. Диктор говорит о нем: — «Он дышал воздухом надвигающейся бури...»

«На дне». Качалов в своей прославленной роли барона. Москвин в роли Луки. Об игре Качалова Горький сказал: — Это гораздо больше, чем я написал.

Декорация ночлежки. Барон сидит на нарах и тасует карты. Настя, татарин, Сатин. Дальше знакомые и полные драматизма сцены, от которых больно сжимается сердце, от простодушной молитвы татарина до этой страшной фразы, когда известие о самоубийстве актера прервало песню: «Эх, испортил песню, дурак!»

На экране показаны лучшие и самые сильные сцены пьесы. Вероятно, уже никто так не сыграет роль барона, как ее играет Качалов. Как он произносит некоторые слова! Когда смотришь на то, что показано на экране, создается такое впечатление, что еще раз побывал в московском театре, и актеры играют так, что забываешь, что это экран, что это только фотографические тени.

В заключение Качалов читает несколько страниц из Достоевского. Он у себя дома, в своем кабинете, артист огромного и тонкого дарования. В дни молодости он создал незабываемый образ Ивана Карамазова. Сидя на диване с томиком Достоевского в руках, великий артист читает:

— «Хочу жить! Да, да, хочу жить!... И пускай, пускай я не верую в высший порядок вещей... но мне вот эти, эти весенние клейкие листочки...»

Когда начинается весна, и начинают распускаться почки на деревьях, всегда вспоминается эта фраза из «Братьев Карамазовых», а вместе с нею и вдохновенный голос Качалова.

Снова на экране появляется здание театра. Сейчас там работает артистическая молодежь. Традиции великих мастеров сцены, создателей того искусства, которым московский театр прославился на весь мир, живы и сегодня. Нам показали только бесспорных «мастеров сцены» — Москвина, Качалова, Книппер-Чехову, Лужского, Леонидова, Линину, и на этих 2.000 метров пленки запечатлелись самые лучшие их роли и самые блестящие достижения. Увидеть такой фильм — огромная радость для всех, кто любит театр. Пропустить его было бы непростительной небрежностью. Это так хорошо, что потрясает до глубины души.

А. Н. Т.